

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И МЕНТАЛИТЕТ

А.А. Слезин, О.В. Щупленков

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются социально-культурные основы создания феномена российского молодежного движения в условиях оторванности от родины. Определены средства, при помощи которых удалось, пускай и на короткий исторический срок, успешно противостоять денационализации подрастающего поколения.

Ключевые слова: философия, история, эмиграция, молодежь, преемственность, аккультурация, менталитет, нация, идентичность, культурология.

Изменения, произошедшие в социально-политической и культурно-образовательной сферах современной России, вызвали условия для пересмотра и создания интегрированной модели молодежной политики в контексте национальной идеи. В результате роста интереса к вопросам своеобразия национальных культур в XXI веке и в связи с кризисом восприятия молодежью идентичности культуры России, а также неопределённостью её самоопределения и самопозиционирования, поисками новых путей национального самовыражения, появилась необходимость в актуализации проблемы её культурно-национальной идентичности у современной российской молодежи. Назрела необходимость целостного исследования проблемы, что представляет одну из важных тем современной отечественной истории.

Феномен российской эмиграции как исторического национально-культурного явления начался еще в 1920 г., когда в одночасье за пределами страны оказалось около 2 млн. человек. Причины отъезда были схожи, и можно говорить о культурной изоляции элиты российского общества. Значительное количество ученых, инженеров, писателей были вынуждены покинуть пределы страны. Вне России оказались Л. Карсавин, И. Ильин, П. Сорокин, В. Вышеславцев, Н. Бердяев, видные отечественные мыслители, внесшие зна-

чительный вклад в развитие российской науки. По разным подсчетам вне России оказалось примерно 500 отечественных ученых, которые были не востребованы на родине, но оказались необходимы научным центрам Праги, Берлина, Парижа, Лейпцига, Варшавы и многим другим мировым научным институтам. «Так что русская культура, русский быт, русский язык существовали не только в Москве, Петербурге, Костроме, Ростове, но и в Париже, и в Берлине, и в Праге. В метрополии и в рассеянии. Но, разделенные пространствами, обе ветви русской жизни и культуры образовывали единство»¹.

Российский научный и культурный потенциал в изгнании опирался на дореволюционный опыт и традиции отечественной науки и культуры. Но оказавшись в другой национальной культуре русская эмиграция не затерялась, не ассимилировалась в инокультурную среду (особенно это относится к эмиграции «первой волны»), наоборот, она интегрировалась в западную культуру (в Европе), в восточную (в Китае), переняв ценные элементы стран проживания не потеряв русской национальной индивидуальности и самобытности.

Среди эмигрантов преобладало мессианское чувство собственного местонахождения и вы-

¹ Фрейнкман-Хрусталева Н.С., Новиков А.И. Эмиграция и эмигранты: История и психология. СПб., 1995.

текающего отсюда патриотизма и гордости за собственную культуру. Это выразилось в желании эмигрантов сохранять национальные традиции и передавать их подрастающему поколению через русский язык, православие, национальный менталитет и образ жизни. Именно в этом заключалась культурная миссия российских эмигрантов².

Чтобы воплотить эти идеалы за рубежом создаются многочисленные общественные организации, которые вели многообразную культурно-просветительскую работу в молодежной среде. Необходимо отметить Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, структурную организацию и общественные функции, полностью заимствовавшие из дореволюционной России. На счет этих организаций приходили денежные средства, распределяемые потом в эмигрантской среде. В некоторых странах, таких как Югославия, Болгария и Чехословакия, правительство этих государств выделяли средства на организацию научно-образовательной системы российской эмиграции, культурно-просветительских и военных учреждений.

Российская интеллигенция активно продолжала участвовать в научных диспутах, начатых еще в дореволюционной России. Прежде всего, споры шли о цивилизационном значении России и исторической роли интеллигенции в возрождении национальной культуры. Активное участие в этом обсуждении принимали молодежные идейно-политические течения и группы.

Наиболее активными были праворадикальные силы эмиграции, основу которой составляла именно молодежь. Опираясь на эти силы П.Б. Струве, его сторонники с помощью своей газеты «Возрождение» повели в 1925 году борьбу за созыв «Зарубежного съезда» всех сил, готовых к освободительной деятельности.

П.Н. Милоков и его сторонники, развернули на страницах «Последних новостей» яростную дискуссию по дискредитации идеи «Зарубежного съезда». Они считали недопустимым смешение идей монархизма с концепцией демократического, правового государства. Несмотря на сопротивление политического блока П.Н. Милокова, в 1926 году съезд состоялся.

Это было вызвано наличием значительного количества эмигрантов придерживающихся мо-

нархической формы правления³. Также в их среде распространялись идеи единения и сплочения эмиграции. Споры по поводу выбора государственного устройства порядком всем надоели⁴. Советский журнал «Красная новь» в одном из обзоров белоэмигрантской печати доводил до сведения читателей с нескрываемым сарказмом о внутренних противоречиях, разъедаемых русскую эмиграцию⁵.

Несмотря на это, отечественные философы зарубежья активно искали основы для создания идеологической платформы российской эмиграции. Несмотря на наличие противоречий между русской и западной культурой, как отмечал И.А. Ильин, между ними есть много общего и индивидуального, поэтому необходим цивилизационный культурный диалог⁶. Русские мыслители, деятели культуры и искусства пропагандировали ценности отечественной культуры, часто выступали с лекциями перед молодежью.

Широко были распространены всевозможные выставки, на которых экспонировались предметы живописи, иконы, книги, заботливо сохраняемые эмигрантами. К числу приоритетных национальных ценностей передаваемых молодежи были русский язык, народный фольклор, отечественная история, православная вера⁷.

Несмотря на болезненность национальной темы для мыслителей-эмигрантов, они никогда не противопоставляли общечеловеческое и национальное. В их трудах, напротив, последовательно проводилась мысль, что национальное, утратившее связь с универсальным, ставшее самодавяющим началом, всегда ущербно: оно вырождается в национализм. Последний же, по словам С.И. Гессена,

³ Постников С.П. 1993. I, II — Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции (1918-1945). Библиография: Из каталога библиотеки Русского Заграничного Исторического Архива в Праге. Том I. Книги и брошюры Русской эмиграции 1918-1945 гг. Том II. Периодика Русской эмиграции 1918-1945 гг. / Составил зав. библи. в Праге С.П. Постников. Под ред. члена-учредителя Русского Библиографического Общества в Москве С.Г. Блинова / Introduction by Edward Kasinec and Robert H. Davis. N.Y.: Norman Ross Publishing Inc., 1993. Т. 1. С. 5.

⁴ Чириков Е.Н. О новой русской интеллигенции // Возрождение. Париж, 1925. № 10. С. 2.

⁵ Красная новь. М., 1921. № 3. С. 259.

⁶ Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 г. в 2-х т. Т. 2. Париж, 1956. С. 59.

⁷ О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 488.

² Шупленков О.В. Русский национализм в воззрениях отечественных мыслителей // Перспективы науки. № 4(06). Тамбов, 2010. С. 42-45.

разрушает самые основы национального бытия, приводит нацию к распаду. Весьма актуально звучит сделанный философами-эмигрантами вывод: «Национальное, оторванное от общечеловеческого, перестает быть самим собой, перестает быть национальным»⁸.

Русская интеллигенция, оказавшись в изгнании очень остро ощутила внутреннюю духовную связь с народом, который был в похожей ситуации. Это единство потерянного дома объединяло эмигрантство, создавало ту неповторимую живительную нить, которая вела людей к действенному чувству патриотизма и любви к Родине. Православная религиозно-нравственная традиция давала молодежи мощный внутренний духовный стимул к постижению нравственного императива, чувства внутренней свободы и счастья⁹. Проанализировав приведшие к падению старой России причины, русские философы представили онтологическую картину приоритетных ценностей народа. Решительно отказавшись от его идеализации, они попытались построить основанную на позитивных чертах русского менталитета и приоритетных ценностях национальной и общечеловеческой культуры систему формирования национально-культурных черт личности.

Одним из основных проблемных вопросов сохранения и формирования национально-культурной идентичности у молодежи в Российском Зарубежье являлся вопрос о его содержательной направленности и национальных основах. Большинство общественно-политических деятелей и организаторов школьного дела считали сложившуюся в России систему организации образовательной деятельности целиком заимствованной из западноевропейских стран и предлагали различные варианты своей русской национальной школы¹⁰.

В культурной традиции эмиграции отразились черты, характерные для русского народа. Ученые, являясь носителями соответствующих народных черт, рассматривали свои идеи с позиций субъективных убеждений, что обусловило появление нескольких парадигм возрождение «русскости». Данные парадигмы определяли мировоззренческие

позиции эмигрантов, составили теоретические основы конкретных воспитательно-образовательных программ. Общим для парадигмальных установок было стремление к переосмыслению действительности с позиций исторического опыта.

Социальные институты эмиграции (школа, институты, молодежные организации, молодежные политические движения) на всех уровнях пытались подготовить не только образованных людей, но и граждан, «воодушевляемых идеалом справедливости». Молодежь принадлежала к различным социальным классам, группам, но не переставала считать себя русской, поэтому через сохранение и формирование национально-культурной идентичности происходило становление социально-политической общности, где основное место принадлежало идеям национального самосохранения.

Молодежи в эмиграции угрожала опасность денационализации, предотвратить которую можно было, создав надёжный механизм трансляции ценностей русской культуры. В условиях кризиса семьи в эмиграции, выполнявшей ранее эту функцию, вопрос сохранения культурной целостности русской диаспоры встал особенно остро. Утрата духовно-нравственного опыта поколения родителей повышала опасность деструктивного воздействия на сознание поколения детей, на исторически значимый фактор преемственности поколений. Общественные деятели Российского Зарубежья осознавали необходимость воспитания «молодёжи, живущей внутри национального целого, что сделало бы возможным выполнение главной задачи — создание из нашей молодёжи подлинных граждан»¹¹.

Сохранению культурного единства способствовали национальные праздники, когда прерывалась текучесть обыденной жизни, происходило своеобразное зависание над временем, и сообщество воспроизводило традиции, вспоминало и как бы заново переживало предание, а значит, воспроизводило момент единства, так необходимый в эмиграции для сохранения целостности диаспоры. Однако эмигрантская молодежь, выросшая в нужде и не помнившие родины, не ощущала этого праздника, «когда позади как бы вырастают крылья, а на душе легко и светло»¹².

⁸ Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 78.

⁹ Куликов В.В. Педагогическая антропология: истоки, направления, проблемы. Свердловск, 1988. С. 65.

¹⁰ Щупленков О.В. Диалектика воспитания в эмиграции первой волны // Перспективы науки. № 5(07). Тамбов, 2010. С. 84-87.

¹¹ Маклецов А.В. К вопросу о судьбах подрастающего поколения // Русская школа за рубежом. Кн. 1. Прага, 1923. С. 61.

¹² Дехтерев А. Школьный год. Дневник воспитателя / Русская школа за рубежом. Прага, 1927-1928. Кн. 28. С. 38.

В 1930-е годы, когда на смену надежды на возвращение пришло разочарование и озлобленность, когда подросло новое поколение, не очень заинтересованное историей прошлого, интерес массового читателя к проблемно-исторической публицистике ослабел. Молодежь все чаще обращала внимание на периодику страны проживания, завязывала экономические отношения и строила планы на будущее, связанные не с Россией¹³. В этих условиях споры об историческом пути России стали отходить на второй план.

Ухудшение материального положения русско-го эмигрантства, ассимиляция молодежи в социальную структуру тех стран, где вырастала потеря внутреннего стержня, которым являлась Русская идея, стало основными проблемами, освещенными на страницах газет¹⁴.

К концу 1930-х годов среди эмигрантов все отчетливее стали проявляться элементы интеграции в культуру и быт стран проживания. Социальное и экономическое расслоение общества сопровождалось отторжением национальных ценностей, традиций¹⁵.

Разрыв в передаче культурной традиции от родителей детям ставил под сомнение сохранение целостности диаспоры и грозил гибелью её культуры, поскольку любая культура сильна тем, насколько она способна передавать накопленный опыт новым поколениям. И хотя деятели эмиграции утверждали, что, несмотря на то, что у молодежи другая родина в отличие от их родителей, но их отчизна — Россия, с которой они кровно связаны, поскольку сохранили духовную связь со своим народом и воспитаны в любви к далёкой отчизне¹⁶, в реальности всё обстояло не так благополучно.

В течение первых лет проживания в эмиграции происходит разрыв в аккультурации, то есть в уровнях адаптации к стране пребывания детей и родителей. Родители и дети в эмиграции оказывались в разных культурных полях, и даже говорили на разных языках, что усугубляло непонимание. Дети быстро начинали говорить на

языке страны пребывания, а родители не стремились учить иностранные языки в надежде скорого возвращения на родину. Представитель молодого поколения эмиграции писатель В. Яновский развенчивает легенду о том, что русские эмигранты владели многими иностранными языками. Этот миф, по его мнению, был рождён аристократами и эмигрантами типа Герцена и Ковалевской, устремившимися в Европу. Последующие волны эмиграции десятилетиями «заикались, объясняясь с полицией¹⁷. Дети же быстро начинали говорить на «воляпюке», который формировал мировоззрение представителей молодёжи «новой формации». В архивных документах отложился образчик языка, на котором начинали говорить русские дети в эмиграции: «Правда, мама, завтра — праздник. / Праздник, детка, говорят. / Ах, какая в этом разница, / Только б дали шоколад»¹⁸.

Чужой язык становился своим, а вместе с языком выковывалось и новое мировоззрение, иное, чем у отцов, создавался целый комплекс уже не родных, а чуждых национальных традиций¹⁹.

Национальные черты, присущие русским, терялись с утратой языка, поскольку «национальное» ярче всего проявляется через язык, который определяет тональность душевной жизни, истоки её интересов, жизненных реакций, её основные интуиции и искания²⁰.

В этой не простой ситуации русская интеллигенция в изгнании выбрала единственно правильное решение — сохранение и формирование национально-культурной идентичности у молодежи через осознание выполнения культурной миссии. Служение Отечеству в условиях изгнания, по мнению многих эмигрантов, подразумевало сохранение и формирование определенных национальных качеств у молодежи:

- сохранение национального (русского) языка;
- любовь к Родине;
- патриотизм;
- служение «русской идеи».

¹³ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С. 152.

¹⁴ Степун Ф. Задачи эмиграции // Новый град. Париж, 1932. № 2. С. 16.

¹⁵ Скобцова Е. Социальные сдвиги в эмиграции // Новый град. Париж, 1932. № 2. С. 73.

¹⁶ Татаринова Ел. Русская молодёжь в Зарубежье // Возрождение. Париж. № 233. С. 114.

¹⁷ Яновский В. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 113.

¹⁸ ГАРФ. Ф.5771. Оп.2. Д.19. Л.43.

¹⁹ Письмо старого педагога // Русская школа за рубежом. Прага, 1927-1928. Кн. 28. С. 522.

²⁰ Зеньковский В.В. Проблема школьного воспитания в эмиграции // Русская школа за рубежом. Прага, 1929. Кн. 32. С. 176.

Сохранение национального (русского) языка

Важнейшим моментом, определившим жизнь эмигрантов, было решение о том, на каком языке они будут общаться между собой. Среди уехавших за рубеж было немало эмигрантов, владевших не одним иностранным языком. И все же эмигранты первой послереволюционной волны использовали родной язык и этим утверждали свое желание оставаться русскими, свою приверженность национальной культуре.

Характерен пример сохранения родного языка среди потомков первой волны русской эмиграции во Франции. «Национальные» русские школы в Париже не открывались. Компетентность в родном языке в семьях разного уровня культуры была также разная, и поэтому родной язык, выполняющий лишь функции средства общения, не мог бы стать ключом к полному знанию богатства всей культуры своего народа. Тем не менее, в целом компетентное владение русским языком было сохранено на протяжении нескольких поколений русских эмигрантов (пример тому — консул Франции в Петербурге, выходец из семьи русских эмигрантов). Русские эмигранты обращались к парижским властям с просьбой обучать в парижских школах их детей русскому языку, и с этими детьми проводились дополнительные занятия.

В ситуации эмиграции русский язык оказался главным признаком принадлежности к России и центром сохранения национально-культурной идентичности. Печатное слово, газеты, книги, журналы — все это было не только самым эффективным, но и практически единственным действенным способом сохранения и передачи культурных традиций²¹.

Любовь к Родине

Проблема разделения судьбы со своим Отечеством, общности этой судьбы была одной из ключевых для российской интеллигенции, оказавшейся на чужбине. В печальной россыпи эмигрантских судеб, в этих «маленьких трагедиях» отдельных человеческих жизней отражалась и самая большая трагедия всего российского рассеяния — трагедия разрыва с родиной. Разрыв с Россией советской не

всеми воспринимался как разлука с Отечеством, ибо того Отечества, которому принадлежали их сердца, в России уже не существовало. Поэтому и пребывание на чужбине рассматривалось ими не столько как эмиграция из отечества, сколько как возможность сохранить верность ему. В таких представлениях, находившиеся в Зарубежье оказывались даже «ближе» к подлинным ценностям, святыням и традициям отечества, нежели остававшиеся в советской России.

Традиционная «странническая» тенденция в психологии и мировоззрении российской интеллигенции в условиях реального скитальчества на чужбине обернулась в свою противоположность — непреодолимое влечение к родной земле и своему народу. Та самая интеллигенция, которую, как известно, до революции упрекали в чрезмерной «идейности» и «беспочвенности» (Г. Федотов), «отщепенстве» (П. Струве), «безрелигиозности» (Н. Бердяев), в эмигрантском творчестве явила образцы глубокой приверженности народу, традициям национальной истории, культуры, государственности, религии. Узы, связывающие с родиной, скрытые прежде в ходе идейно-политической борьбы, на чужбине были обнажены, указав остов подлинных ценностей и смысла человеческого бытия и творчества.

Русская творческая мысль в изгнании стремилась создать единую, целостную картину национальной истории. Осмыслению подвергались основные ценностные основы русского бытия: любовь к Родине, стремление быть востребованным обществом, что воплощалось в героизме и самоотверженности в тяжелые для страны моменты. «Преодоление беды» у русского народа ассоциируется не с личными невзгодами, а с нависшей над страной угрозой. Чувство сопричастности к защите Отечества, непрестанный труд во благо могущества и процветания страны, даже находясь вдали от нее, давало писателям — эмигрантам силы для творчества, для самоутверждения, необходимости своего бытия. «Не просто мы бесприютные. Кое-что за плечами и есть ...история, величие Родины — этого не отнять у нас»²².

Любовь к Родине есть святая любовь, освященная вековым наследием, традициями, литературой, наукой, искусством. Как и всякая любовь, она не предмет для одного только самоуслаждения. И любви к Родине с выжиданием критического

²¹ Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции (1920-30-е гг.) // Новый исторический Вестник. 2005. № 3. С. 114.

²² Зайцев Б.К. Слово о Родине // Русская идея. М., 1992. С. 378.

момента, когда можно принести себя в жертву, недостаточно для того, чтобы быть патриотом. Деятельная, живая любовь выражается в повседневной, кропотливой, трудной, а часто монотонной и скучной работе. Любовь к Отечеству по своей природе предполагает стремление к его улучшению, связана с желанием создать более благоприятные условия для его существования, уберечь от катаклизмов социального происхождения. Деятельный характер проявляется в желании приносить пользу, использовать свое призвание так, чтобы способствовать процветанию Родины, заботясь о повышении ее материального благосостояния и совершенствовании государственного устройства.

Полярность эмоций: гуманному чувству любви к Отечеству противостоит ненависть к его порокам. Единство и борьба этих противоположностей способствует переходу от изменчивых эмоциональных переживаний к устойчивому чувству. Любовь к народу и Родине означает необходимость жертвовать всем для ее преуспеяния и совершенствования и ненавидеть ее недостатки, искоренять их, но любить превыше всего ее общечеловеческую роль. Впечатлительное детское сердце способно отзываться сочувствием к Родине, страдающей от болезней, горя и бедности, что служит благодатной почвой для осознания необходимости учиться и трудиться для блага Отечества и народа. И, как писал Г. Роков, «никакого сомнения нет в том, что поколения, которые удалось бы воспитать на этих идеях и чувствах, дали бы нации настоящих носителей национальной идеи, сознательных, глубоко сочувствующих патриотов»²³.

Таким образом, национальное самосознание как основа для самого существования русской эмигрантской диаспоры явилось тем необходимым условием, в результате которого появился такой феномен как Российское Зарубежье.

Многие ученые российского зарубежья отмечали, что такое понятие, как «любовь к Родине», в молодежной сфере часто утрачивало положительное содержание и получало извращенный смысл. Несмотря на все усилия старшего поколения, идея служения Отечеству нередко не находила отклика в сердцах молодежи.

Патриотизм

Патриотизм является аспектом духовной культуры личности, поэтому решение проблемы сохранения и формирования национально-культурной идентичности находится в плоскости формирования духовной культуры молодежи, которую мы рассматриваем как сложное интегративное личностное свойство, включающее гуманистические компоненты базовой культуры личности в их духовной целостности. Идея личности в контексте культуры дает направление духовной жизни индивида. Функцию смыслообразующего механизма здесь выполняет духовная культура. Процесс сохранения и формирования национально-культурной идентичности, таким образом, тесно связан с процессом личностного становления индивида и направленностью его культурной деятельности на нравственной основе. Духовная культура становится базовым свойством личности, определяющим гуманные формы ее бытия в современной культуре.

Эмигранты называли патриотизм «драгоценным атрибутом духа». Сами, будучи в большинстве своем искренними патриотами, они продолжали и в изгнании считать Россию своей единственной Родиной, являясь убежденными сторонниками идеи, что даже долгая жизнь на чужбине не делает ее настоящей родиной, духовной реальностью. В революции многие из них предпочитали видеть кризис власти, а не национального сознания; они жили верой в возможность скорого национального возрождения России. Реальными проявлениями патриотизма являлись готовность к служению своей Родине, что доказала гражданская война и деятельная заинтересованность в настоящем и будущем, о которой свидетельствует их забота о воспитании подрастающего поколения.

Служение «русской идее»

Исходя из вышеуказанной роли русской интеллигенции в изгнании, основными мотивами, морально-нравственными критериями оставались сохранение и передача духовных ценностей, исторической памяти подрастающему поколению. Это стремление заключалось в создании целого комплекса организационных мероприятий проводимых в эмиграции. Было ещё и желание думать и творить свободно. «Выехавшие из России осознавали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками, —

²³ Роков Г. О национально-патриотическом воспитании // Вестник воспитания. М., 1908. № 4. С. 76.

пишет исследователь деятельности эмигрантов П.Е. Ковалевский. — Они хранили её, умножали её, развивали, несли в мир и знакомили с нею другие народы»²⁴.

Сама великая культура и русский язык способствовали сохранению в их нелёгкой жизни национального чувства, препятствовали растворению и забвению в чужой среде. «Не будем проклинать изгнание, а будем трудиться во славу будущей России»²⁵.

С надеждой на спасительную роль русской культуры — независимо от исторических испытаний — жили и русские философы-эмигранты Г.П. Федотов и Н.О. Лосский. Мы выделяем эти имена по степени сохранности в их трудах 1920-х–1950-х годов российской культурной атмосферы. Г. Федотов откликнувшись на смерть Максима Горького в 1936 году со страниц парижского журнала «Новая Россия», выражал тревогу по поводу прогрессирующих в мире тенденций крушения гуманизма: «Гуманизм в наши дни — хрупкая вещь, ибо он не поддерживается больше общим потоком жизни и требует очень глубоких корней для своего существования». Для Горького когда-то человек звучал гордо, а ныне уже подобное определение человеку не подходит — «от его величия к низости — один — и такой маленький шаг»²⁶. Разрабатывая тему Родины, стремясь стать «живой связью между вчерашним и завтрашним днем России»²⁷, русские эмигранты вкладывали в понятие «Родина» не географический, а духовный смысл.

В свободно развивающейся русской культуре, на его взгляд, при «кажущейся внешней неустроенности, неупорядоченности», достигается «предельное совершенство», ибо культура — это «творимая национальная душа». То, что культура России «из всех стран европейского — христианского — культурного круга» была лишь «в малой степени» затронута цивилизацией и «не переродилась в цивилизацию», делает ее автономным самодостаточным фактором: она в настоящий момент гибнет, но «ее гибель служит залогом ми-

рового Возрождения, немыслимого без великих потрясений».

Историческая миссия русской культуры — возникнуть через «мучительное осознание трагедии становящегося Духа»²⁸.

Внушения П. Бицилли о мучительном и трагичном пути познания, уготованном русской культуре, одушевляли и его читателей из бедствующей диаспоры интеллигентов. 1930-е годы отдаляли от них укрепляющуюся в государственном плане метрополию. Ученый — историк и литератор сам жил верой в неодолимость духа русской культуры.

Н. Лосский, преподававший известное время философию в Русском университете в Праге, в своей поздней книге «Характер русского народа» (1957) перекликался с П. Бицилли: он так же связывал спасение нации с возрождением ее культуры, и в первую очередь литературы. В главе седьмой «Даровитость русского народа» автор описывал возвышенный характер его литературы, «искание абсолютного добра, ... глубокое проникновение в тайники душевной жизни человека». По уверению автора, в конце XIX и начале XX века «возникло особенно многостороннее пышное цветение русской культуры»²⁹.

Можно подчеркнуть, что Российское Зарубежье сохраняло основные черты, характерные для интеллектуальной жизни дореволюционной России. Все усилия «старшего поколения», направленные на сохранение и формирование национально-культурной идентичности у молодежи были сопряжены с организацией социальных институтов, которые могли эффективно использовать имеющийся у эмигрантской интеллигенции творческий потенциал. Периодическая печать была наиболее эффективным, но не единственным средством поддержания единства разбросанных по свету русских, обмена идеями, продолжения творческой жизни.

Сохранение и формирование национально-культурной идентичности у молодежи в эмиграции характеризовалось многовариантностью, подвижностью, незаконченностью, контекстуальностью. Вместе с тем контекстуальность не релятивировало ядро идентичности и «выбор» той или иной

²⁴ Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 5, 6.

²⁵ История российской интеллигенции: Материалы и тезисы научной конференции. М., 1995. С. 21, 22.

²⁶ Федотов Г.П. Защита России. Статьи 1936-1940 // Новая Россия. Париж, 1988. С. 43.

²⁷ Федотов Г.П. Зачем мы здесь? // Современные записки. Париж, 1935. № 8. С. 450.

²⁸ Бицилли П.М. «Трагедия русской культуры»(1933) цитируется с указанием страницы в тексте по перепечатке в журнале «Русская литература», 1990. Кн. 2. С. 147.

²⁹ Лосский Н.О. Характер русского народа. Книга вторая. М., 1990. С. 23, 39.

модели идентичности молодежи в эмиграции был абсолютно свободен, поскольку осуществлялся в определенном социальном пространстве страны проживания, который задавал не только спектр альтернатив, но и набор различных социальных практик.

Для достижения цели, решения задач и реализации содержания сохранения и формирования национально-культурной идентичности у молодежи в условиях эмиграции необходимо было функционирование сложной разветвленной системы, имеющей соответствующие иерархические уровни.

Система сохранения и формирования национально-культурной идентичности у молодежи в эмиграции представляла собой организационно сложившийся порядок иерархически зависимых эмигрантских структур. Содержание организационно-воспитательной деятельности системы на всех ее уровнях, начиная со школьного коллектива, молодежной группы и заканчивая Земгором, Согором и другими эмигрантскими управленческими организациями, с интраперсонального уровня восприятия и заканчивая социентарным уровнем восприятия идентичной группы, выражались условиями, в которых осуществлялось сохранение и формирование национально-культурной идентичности у молодежи. Назначение системы состояло в обеспечении на практике комплексного учета всех факторов, влияющих на национальное самосознание русскоязычной молодежи, в создании необходимых условий и механизмов, способствующих повышению эффективности в процессе сохранения и формирования национально-культурной идентичности у молодежи.

Система сохранения и формирования национально-культурной идентичности у молодежи оставалась целостным социальным организмом, возникшим в процессе взаимодействия основных компонентов национального самосознания молодежи. В целях сохранения «русскости», национального общения была создана разветвленная культурно-просветительская структура. Она обладала такими интегративными характеристиками, как: развитие высокой культуры идентификации, осознание идеи, во имя которой проявлялась готовность к достойному служению Отечеству, формирование высоконравственных, профессионально-этических норм поведения, качеств воинской чести, ответственности и коллективизма.

Эффективность системы сохранения и формирования национально-культурной идентичности

у молодежи в эмиграции во многом определялась осознанием неразрывной духовной связи эмигрантов с Родиной, стремлением старшего поколения обеспечить необходимыми условиями сохранения национально-культурных особенностей подрастающее поколение.

Организация образования в культуре российского зарубежья виделась как особенно важная задача. Это объясняется самим феноменом эмиграции первой волны, главной задачей которой было сохранение высоких достижений русской культуры и передача их молодому поколению³⁰.

Результаты проведенного исследования интересны выявлением того факта, что наличие большого количества молодых людей в среде эмигрантов предопределили основную генерирующую идею эмиграции: сохранение будущего поколения, создав при этом сеть социальных институтов: школы, церковь, профессиональные, политические и общественные объединения.

Культурная элитарность являлась доминантной в эмигрантской среде первой волны, где почти все имели начальное образование, приблизительно 2/3 — среднее, каждый седьмой — университетское. Русская интеллигенция стремилась сохранить национально-культурные ценности, и по возможности, обеспечить преемственность традиций. Одной из первых «цементирующих» идей Российского Зарубежья стала идея подготовки молодых специалистов для будущей России, идея создания интеллектуального потенциала, необходимого для возрождения родины, выдвинутая эмигрантскими академическими кругами при поддержке общественности.

Конец 1920-х годов в связи с завершением процесса признания СССР, радикальным изменением ситуации в Европе, а также в связи с мировым экономическим кризисом завершил фактически однородный период 1920-х годов. Начался новый этап в истории российской эмиграции. Российская эмиграция к этому моменту во многом перестала быть частью «России вне России». Процесс адаптации и ассимиляции эмигрантов развивался довольно стремительно. В жизнь вступали эмигранты «младшего» поколения, выросшие в изгнании, и утрачивавшие собственную «российскость».

³⁰ Щупленков О.В. Патриотическое воспитание в военном образовании Российского Зарубежья в контексте современного исторического образования школьников // Преподавание истории в школе. М., 2007. № 10. С. 68-71.

Спектр политических установок Российского Зарубежья был чрезвычайно широк, а его идейно-политическая жизнь стала своеобразной лабораторией идей. По настоящему серьезное значение приобрели лишь те политические организации, деятельность которых строилась на национальной, государственной идее.

Сохранение национального самосознания являлось приоритетной ценностью, а утрата национальной ментальности в изгнании воспринималась значительной частью эмигрантов как наиболее непростительное духовное и нравственное падение.

В период эмиграции первой волны философы русского зарубежья определили основания новой философии национального характера и самосознания русского народа; установили иерархию ее ценностей — православие, объективное знание, истинная наука, свободная творческая личность — были определены основные научные подходы к их реализации. В условиях инокультурной среды они сохранили и в значительной степени воспроизвели в воспитательно-деятельностном ракурсе национальные традиции, культурные особенности русского многонационального народа, которые не были востребованы в СССР и во многом утрачены.

Несмотря на то, что в состав первой волны эмиграции входили различные слои населения, для нее было характерно ментальное единство. Уже в ходе первой волны эмиграции в сознании людей, несмотря на их политические взгляды, формировалось некое со-знание, общее разделенное чувство необходимости возвращения на родину и сохранение основ традиционной русской духовности.

Эта идея способствовала самоидентификации — осознание своей национальной индивидуальности и принадлежности к исторически-конкретному социуму с характерной для него национальной культурой. «Со-знание» становилось фактором сближения эмигрантов в единое национальное социально-культурное пространство с выраженной формой определения собственной национально-культурной идентичности — Российское Зарубежье.

Сложившиеся в зарубежной России формы и средства сохранения и формирования национально-культурной идентичности у молодежи могут и должны быть востребованы в современной России. И чем раньше это произойдет, тем быстрее общество оправится от пережитого кризиса, тем увереннее наш народ будет смотреть в будущее.

Для русских, живущих в зарубежье, важнейшим элементом национальной идентичности продолжает оставаться идея России, идея русского государства. Она, как минимум, столь же важна, как владение русским языком, приобщение к русской культуре, православию. Автор выражает убеждение, что сложившиеся в зарубежной России формы и средства сохранения и формирования национально-культурной идентичности у молодежи могут и должны быть востребованы в современной России, называет основные пути их применения. И, пожалуй, когда мы говорим о феномене «русскоязычия», то именно восприятие России в качестве Родины, наличие высокой «мечты о России» отличает русского от русскоязычного. Предстоит понять, что, несмотря на наличие границ, русские — это один народ, видящий Россию центром Русского мира.

Список литературы:

1. Ф. Р-5771: Представительство Объединения Русских Земских и Городских Деятелей в Белграде (ЗЕМГОР). 1920-1941. Оп. 2. Д. 19.
2. Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции (1920-30-е гг.) // Новый исторический Вестник. М., 2005. № 3. С. 122.
3. Бицилли П.М. «Трагедия русской культуры» (1933) // Русская литература. М., 1990. Кн. 2. С. 147.
4. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Книгоиздательство «Слово». Берлин, 1923. (составление изд-во «Школа-Пресс», 1995. 448 с.)
5. Дехтерев А. Школьный год. Дневник воспитателя // Русская школа за рубежом. Прага, 1927-1928. Кн. 28. С. 38.
6. Зайцев Б.К. Слово о Родине // Русская идея. М., 1992. С. 378.
7. Зеньковский В.В. Проблема школьного воспитания в эмиграции // Русская школа за рубежом. Прага, 1929. Кн. 32. С. 174-176.
8. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10-ти тт. / И.А. Ильин; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Рус. кн., 1993. Т. 2. Кн. 1: Наши задачи: Статьи 1948-1954 гг. 496 с.

9. История российской интеллигенции: Материалы и тезисы научной конференции. М., 1995. С. 21, 22.
10. Куликов В.В. Педагогическая антропология: истоки, направления, проблемы. Свердловск, 1988. 192 с.
11. Лосский Н.О. Характер русского народа. Книга вторая. М., 1990. 90 с.
12. Маклецов А. К вопросу о судьбах подрастающего поколения // РШРЗ. Прага, 1923. Кн. 1. С. 60-68.
13. Мейснер Д.И. Миражи и действительность: Записки эмигранта / Послел. изд-ва. М.: Изд-во АПН, 1966. 298 с.
14. О России и русской философской культуре философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. 528 с.
15. Письмо старого педагога // Русская школа за рубежом. Прага, 1927-1928. Кн. 28. С. 522.
16. Постников С.П. I, II — Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции (1918–1945). Библиография: Из каталога библиотеки Русского Заграничного Исторического Архива в Праге. Т. I. Книги и брошюры Русской эмиграции 1918-1945 гг. М., 1993. С. 5.
17. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994. 296 с.
18. Роков Г. О национально-патриотическом воспитании // Вестник воспитания. М., 1908. № 4. С. 76.
19. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / По общ. ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1996. 742 с.
20. Скобцова Е. Социальные сдвиги в эмиграции // Новый град. Париж, 1932. № 2. С. 73.
21. Степун Ф.А. Задачи эмиграции // Новый град. Париж, 1932. № 2. С. 16.
22. Татаринова Ел. Русская молодёжь в Зарубежье // Возрождение. Париж, 1932. № 233. С. 114.
23. Федотов Г.П. Зачем мы здесь? // Современные записки. Кн. LVIII. Париж, 1935. № 58. С. 434-450.
24. Федотов Г.П. Защита России. Статьи 1936-1940-х гг. // Новая Россия. Париж, 1988. С. 43.
25. Фрейнкман-Хрусталева Н.С., Новиков А.И. Эмиграция и эмигранты: История и психология / Науч. ред. Г.А. Тишкин. СПб, 1995. 153 с.
26. Чириков Е.Н. О новой русской интеллигенции // Возрождение. Париж, 1925. № 10. С. 2.
27. Щупленков О.В. Диалектика воспитания в эмиграции первой волны // Перспективы науки. № 5(07). Тамбов, 2010. С. 84-87.
28. Щупленков О.В. Патриотическое воспитание в военном образовании Российского Зарубежья в контексте современного исторического образования школьников // Преподавание истории в школе. М., 2007. № 10. С. 68-71.
29. Щупленков О.В. Русский национализм в воззрениях отечественных мыслителей // Перспективы науки. № 4(06). Тамбов, 2010. С. 42-45.
30. Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. С. Довлатова. СПб: Пушкинский фонд, 1993. 276 с.